

до нескольких сот бойцов. Другие – до нескольких тысяч при большом количестве пулемётов и собственной артиллерии. К тому же на протяжении всех дней боёв в город продолжали прибывать подкрепления. Думается, ближе к истине подошёл И.Л. Хижняк, утверждавший, что группировка советских войск в Екатеринодаре насчитывала до 30 тысяч штыков и сабель. Кроме того, оборону укрепляли три отдельных артиллерийских батареи, ставших у вокзала, на Сенной площади и на территории артиллерийских казарм, и два бронепоезда³⁹⁶, курсировавших вдоль ветки Черноморской железной дороги между городом и садами.

Советский Екатеринодар изготовился к обороне...

6.12.3. Атака

Согласно отданному Корниловым приказу город должны были атаковать *и взять* Конная и 2-я пехотная бригады. Партизанскому полку Богаевский предписывал выйти к западным окраинам города, Корниловскому – наступать в общем направлении к Черноморскому вокзалу. Эрдели было приказано обойти Екатеринодар с севера, перерезать Черноморскую и Владикавказскую железнодорожные ветки, а при благоприятном стечении обстоятельств продвинуться до станции Пашковской и поднять казаков.

Едва рассвело, Партизанский полк был поднят по тревоге. 2-й батальон Казанович направил правее дороги, выводящей к ферме, одну сотню 1-го батальона – левее. Две остальных сотни оставались в резерве и следовали позади первой линии. Полк уже развернулся для наступления, но в этот момент к Казановичу подъехал Богаевский и сообщил, что по непонятной причине Корниловский полк не получил своевременно приказа и запаздывает с выступлением. Командир бригады предложил приостановить наступление до тех пор, пока не подойдут и не выйдут на одну линию с «партизанами» «корниловцы».

Казанович возразил, что задержка ослабит порыв, которого уже, быть может, и не вернёшь, и приведёт в итоге лишь к боль-

³⁹⁶ С командами из черноморских моряков.

шим потерям. Он просил разрешения атаковать всё же силами одного лишь вверенного ему полка, взять ферму с прилегающими хуторами³⁹⁷, там закрепиться и ждать подхода «корниловцев». Богаевский с его доводами согласился.

К кирпичному заводу, где оставалось охранение, полк подошёл без выстрела. Дальнейшее продвижение сразу же натолкнулось на серьёзное противодействие. Всё же ферма была вскоре занята. Рядом расположенные хутора взяты были почти без боя. Красногвардейцы отошли, едва была оставлена ферма.

Однако к полудню большевики при поддержке артиллерии перешли в контрнаступление по всей линии. Корниловский полк к этому времени не подошёл, и левый фланг «партизан» оставался открытым. Его сразу стали охватывать красногвардейцы. Лишь введя в бой свой резерв, Казановичу удалось удержаться на хуторах³⁹⁸. Но на правом фланге после ожесточённого боя³⁹⁹ 2-й батальон вынужден был оставить ферму и отойти. Богаевский двинул ему на помощь Пластунский батальон полковника С.Г. Улагая. Совместная атака привела к тому, что ферма вновь была занята добровольцами. При этом был ранен и выбыл из строя сам Улагай.

Прибыв на ферму, Казанович своей властью объединил оба батальона и назначил командира – полковника П.К. Писарева. Которому приказал продолжить наступление на бывшие, по

³⁹⁷ Окрестности Екатеринодара представляли собой равнинную, со спокойным рельефом местность с разбросанными тут и там хуторками и дачами, в это время года необитаемыми, с небольшими рошицами и невысокими холмами.

³⁹⁸ При этом два пулевых ранения получил оказавшийся рядом с Казановичем есаул Роман Лазарев. Упомянув об этом, тактичный Казанович говорит о нём, как о командире 2-й сотни.

³⁹⁹ В ходе его были убит заместитель командира 2-го батальона, убитого ещё под Смоленской. Батальон принял капитан Бузун.

Также в этот день был смертельно ранен командир 1-го батальона, капитан Курочкин. Вытязнувший чернецовские рейды, оборону Новочеркаска и Ростова, поход... Поднимавший сотни в лихие штыковые атаки и неизменно шедший впереди, получивший до десяти ранений, при этом никоим образом не проявлявший своих амбиций, капитан встретил, наконец, пулю, ставшую роковой.

«...очень симпатичный и скромный человек, необыкновенной храбрости, – пишет о нём Богаевский. – Это был тип капитана Тушина из «Войны и Мира». Подчинённые его любили и глубоко сожалели о его смерти».

Одного за другим Армия теряла лучших своих командиров.

сути, предместьем Екатеринодара, растянувшиеся вдоль Кубани кожевенные заводы. К этому времени к ферме подошёл и батальон 1-го Кубанского полка. Казанович доложил обо всём подъехавшему на ферму Богаевскому⁴⁰⁰, а сам незамедлительно проследовал к расположению 1-го «партизанского» батальона.

Здесь, прямо на дороге, он встретил Неженцева. Корниловский полк уже разворачивался для атаки⁴⁰¹. Но по непонятной

---

⁴⁰⁰ Территория фермы представляла собой вытянутый вдоль Кубани узкий и длинный участок земли, прикрытый с запада небольшой хвойной рощицей, а с севера – безлистными в это время года тополями, засаженный редкими плодовыми деревьями и кустарником. Ближе к восточной границе участка был выстроен одноэтажный дом заведующего с выбеленными стенами, и рядом – сарай.

В доме было шесть небольших комнат, разделённых широким коридором.

Когда позже на ферму прибыл Корнилов со штабом, он занял для себя одну из угловых на западной, обращённой к городу, стороне. Другая была отведена телефонистам, в третьей устроен перевязочный пункт. В остальных расположились чины штаба.

Богаевский, у которого прямо перед домом случайной пулей была убита лошадь, перешёл к рощице, где стал со своим штабом бивуаком.

«Мы подъехали к ферме вскоре после её занятия, – пишет Деникин. – Был ясный солнечный день. С возвышенности, на которой стояла ферма, открывалась панорама Екатеринодара. Отчётливо видны были контуры домов предместья, кладбище и Черноморский вокзал. Впереди их – длинные неправильные ряды большевистских окопов.

... Вся эта резко выделявшаяся на горизонте группа (строений) была отчётливо видна с любого места городской окраины и, стоя среди открытого поля, в центре расположения отряда, не могла не привлечь к себе внимания противника...

Расположение штаба становилось тем более рискованным, что ферма стояла у скрещения дорог... по которым всё время сновали люди и повозки, поддерживающие сообщение с боевой линией... Романовский указал командующему на безрассудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, так как и сам лично относился ко всякой опасности с полнейшим равнодушием».

⁴⁰¹ За отсутствием указаний на дальнейшие действия Неженцев решил использовать с максимальной пользой выпавшее время и провести давно назревшую вследствие огромных потерь реорганизацию. Полк был сведён им в один батальон, на который поставлен полковник В.И. Индейкин. Второй вновь образованный батальон составили влившиеся в Армию казаки под командой есаула Кисель. Лишь в 14 часов был получен приказ от Богаевского спешно выдвигаться на помощь. Полк выступил из станицы, как и всегда, с развёрнутыми знамёнами и под звуки духового оркестра. На одном из хуторов к колонне подъехал Корнилов и поздоровался с полком. Добровольцы восторженно ответили и проследовали дальше. Почти все они видели своего шефа в последний раз в жизни...

причине не влево от Партизанского полка, а частично ему в затылок, упираясь своим правым флангом в Елизаветинский тракт. Исправить что-либо было уже невозможно. Развернув цепи, «корниловцы» сразу же пошли вперёд. Правофланговые роты тут же перемешались с 1-м батальоном «партизан» и увлекли их за собой. Неженцев с Казановичем, на ходу договариваясь о взаимодействии, прошли вслед за своими цепями к невысокому холму у перекрёстка дорог. Здесь Казановича нашёл посыльный, который сообщил, что полковник Писарев при поддержке батальона 1-го Кубанского полка продвинулся далеко вперёд вдоль берега Кубани, занял территорию кожевенных заводов и остановился, встреченный сильным огнём, перед артиллерийскими казармами. Генерал собирался снять 1-й батальон Партизанского полка и перебросить его на помощь 2-му. О своём решении он сообщил Неженцеву, но тот просил не выводить батальон с участка Корниловского полка, чтобы не ослаблять его и без того растянутые порядки. Казанович уступил.

Вскоре тут же на холме он был ранен. Винтовочная пуля, попав в плечо, пробила лопаточную кость и вышла из спины. В шуме боя никто из окружающих ранения генерала не заметил. Рядом с ним был ранен также и офицер-корниловец, и когда Казанович обратился с просьбой дать ему перевязочный пакет, Неженцев переспросил:

- Для кого вам нужен пакет? Мы уже перевязали раненого...
- Для себя...

Бывший при Казановиче адъютант полка ротмистр Яновский сделал ему перевязку. Вскоре ранение, которое вначале воспринималось, как средней силы толчок в плечо, уже давало о себе знать. Казанович сомневался, будет ли в состоянии командовать полком, и потому попросил Неженцева принять временно командование над 1-м «партизанским» батальоном, с тем, однако, условием, чтобы ночью он был сменён и направлен в район кожевенных заводов. Сам он туда тут же и направился, намереваясь в случае слабости передать командование над Партизанским полком полковнику Писареву.

Выйдя на правый фланг «партизан», Корниловский полк с

разгона ударил по обходившему его отряду красногвардейцев, опрокинул их и стал продвигаться к Екатеринодару. У окраин, километрах в двух от городской черты, «корниловцы» натолкнулись на подготовленную оборону и к 20 часам, находясь под интенсивным ружейным и артиллерийским обстрелом, вынуждены были остановиться и залечь в протянувшемся вдоль линии овраге⁴⁰².

На левом их фланге продвигалась к Черноморскому вокзалу⁴⁰³ сводная офицерская рота, собранная прямо в поле вокруг 1-й роты из остатков других рот и части влившихся в полк казаков. Отбросив к окраинам города противника, рота заняла не в полный рост открытые окопы сбитого сторожевого охранения и в них залегла. У вокзала курсировали вдоль дороги два советских бронепоезда, атаковать их рота ввиду малочисленности не могла. Но и оставаться на месте было невозможно. Противник с расстояния не свыше пятисот шагов расстреливал добровольцев из стрелкового оружия и огнём многочисленной артиллерии. Предпринятая атака, обернувшаяся новыми потерями, захлебнулась у самых окопов⁴⁰⁴. Видя совершенное расстройство кучки добровольцев из окопов, навстречу выскочили красногвардейцы. Рота, без сомнения, была бы вырезана без остатка, но, как часто случалось в Корниловском полку, её спасли от уничтожения пулемётчики. Метким огнём они прикрыли пехоту. К вечеру оставшиеся в живых, отстреливаясь и унося раненых, отошли на исходные позиции и заняли там оборону.

«Стали наступать сумерки, – пишет Левитов, – артиллерийский огонь затих, и нас подобрали. Перевязочный пункт в Елизаветинской ещё усилил наше представление о потерях за этот день. От когда-то славного, чисто офицерского батальона 4-х ротного состава к Екатеринодару оставалась одна только рота

---

⁴⁰² Критский, а вслед за ним и Левитов, утверждают, что «корниловцы» в этот день имели возможность ворваться в город, но были остановлены приказом, категорически это запрещающим. Поскольку ни Деникин, ни Богаевский ни о чём подобном не упоминают, существование такого распоряжения вызывает большие сомнения.

⁴⁰³ Ныне станция Краснодар-2.

⁴⁰⁴ В ней был ранен в ногу М.Н. Левитов.

и то с влитым пополнением из казаков, а сегодня и она пала на поле брани, сохранив лишь малый кадр для новых добровольцев. Кое-чем перевязали нам раны и троих на повозке отправили в дом какого-то казака. Болела рана, щемило сердце, а сознание твердило: не выдержим...»

Между тем Казанович нашёл полковника Писарева в одном из домов посёлка при кожевенном заводе. Оттуда просматривался ручей, перед которым остановились «партизаны» и артиллерийские казармы, окружённые земляным валом, служившим для красногвардейцев отличным прикрытием. Предпринятая попытка ворваться в расположение противника под покровом темноты успехом не увенчалась. Люди, вымотавшиеся за день, встреченные плотным огнём, тут же отходили назад⁴⁰⁵.

К вечеру, когда бой стал затихать по всей линии, выявилось продвижение добровольческих частей. Партизанский полк с приданным батальоном 1-го Кубанского стоял напротив артиллерийских казарм, которые находились практически в городской черте. Корниловский, – остановленный в поле перед городскими кварталами, располагался почти на одной линии с «партизанами». Расстроенный левый фланг его заметно отставал.

Всё же в штабе на ферме царило едва ли не ликование. На протяжении всего похода советские отряды неизменно оставляли станицу или село, едва добровольцы врывались на окраину⁴⁰⁶. И ни разу ещё не было случая, чтобы Добровольческая армия не достигала того, к чему стремилась. К тому же атака, показавшаяся удачной, производилась далеко не всеми силами. Весь день, не останавливаясь ни на минуту, переправлялся обоз. Уже вперемешку с частями рвавшейся в бой 1-й бригады.

В 1-ю батарею зашёл с полученной в Елизаветинской кра-

---

⁴⁰⁵ На ночь Казанович с Писаревым расположились в доме, хозяин которого ещё ранее записался в Добровольческую армию. Семья о нём никаких сведений не имела, ничего не могли сообщить и случайные постояльцы (в августе офицер благополучно воссоединился с родными). В доме оба были встречены радушно. Им предоставили всё необходимое, и отказы не принимались. Казанович даже передал через посыльного Неженцеву, который ночевал под открытым небом у холма, некоторое количество съестных припасов.

⁴⁰⁶ Корнилов хотел даже перенести штаб ближе к линии, на территорию одного из занятых кожевенных заводов. Но его отговорили.

юхой хлеба⁴⁰⁷ генерал Марков. Завязавшийся разговор шёл всё о том же – о пассивной роли бригады. Марков подбадривал артиллеристов, но, прислушиваясь к канонаде, всё отдалявшейся от переправы, и сам повторял то и дело: «Чёрт знает что...»

Во второй половине дня переправился⁴⁰⁸ и пошёл в станицу 1-й взвод батареи. В полночь – 2-й. К утру 29 марта (11 апреля) вся Армия была уже на правом берегу. Переправа, блестяще проведённая Корниловым, завершилась.

6.12.4. Штурм

С рассветом большевики по всей линии повели интенсивный артиллерийский огонь добровольческих позиций. Преимущество их в огневой мощи было подавляющим, так как в сравнении с добровольцами накопленные запасы боеприпасов казались неограниченными⁴⁰⁹. Все без исключения источники утверждают: снарядов и патронов красногвардейцы не жалели. И под этим огнём офицерские цепи, пытавшиеся двинуться в атаку, тут же залегали вновь и вновь⁴¹⁰. Продвижения не было, а потери росли. Особенно тяжёлой была обстановка на фронте Корниловского полка, методично расстреливаемого советской артиллерией на открытой местности. К тому же большевики, кроме фронтального обстрела, вели также и фланговый огонь из артиллерийских

---

⁴⁰⁷ Марков был приглашён чинами батареи «на мамалыгу». На левом берегу в аулах хлеба не было совершенно.

⁴⁰⁸ Чтобы не вносить рознь между номерами «старых» и вновь влившихся орудий, Миончинский сформировал взводы смешанными. В каждом одно орудие было из состава 1-й батареи, другое – из 4-й. В 1-м взводе, командовал которым сам Миончинский, были орудия: 1-е штабс-капитана Шперлинга и 3-е подьесаула Золотарёва. Во 2-м (командир подполковник Михайлов) – 2-е орудие поручика Казанли и 4-е капитана Рудницкого.

⁴⁰⁹ По разным данным Армия располагала от 1000 до 1500 артиллерийскими снарядами, распределёнными по батареям. Советская артиллерия имела их десятки тысяч.

⁴¹⁰ 2-я отдельная батарея полковника Л.М. Ерогина поддерживала огнём добровольцев, атакующих противника, по сути, по двум расходящимся направлениям. Огонь в силу этого не мог быть сосредоточенным, накрывались визуально выявленные наблюдателями цели. К тому же запас снарядов быстро иссякал. Уже и в начале боя на 10-15 снарядов, выпущенных большевиками, батарея отвечала двумя-тремя.